Приложение к № 157 „Рабочей газеты"
№ 3 (15)
Цена 25 руб. вместе с № газеты

КРОКОДИЛ

10 сент. 1922 г.

Рис. Моора

По постановлению Петросовета на памятнике Александру III на Знаменской площади будет высечена нижеследующая надпись, принадлежащая перу Демьяна Бедного.

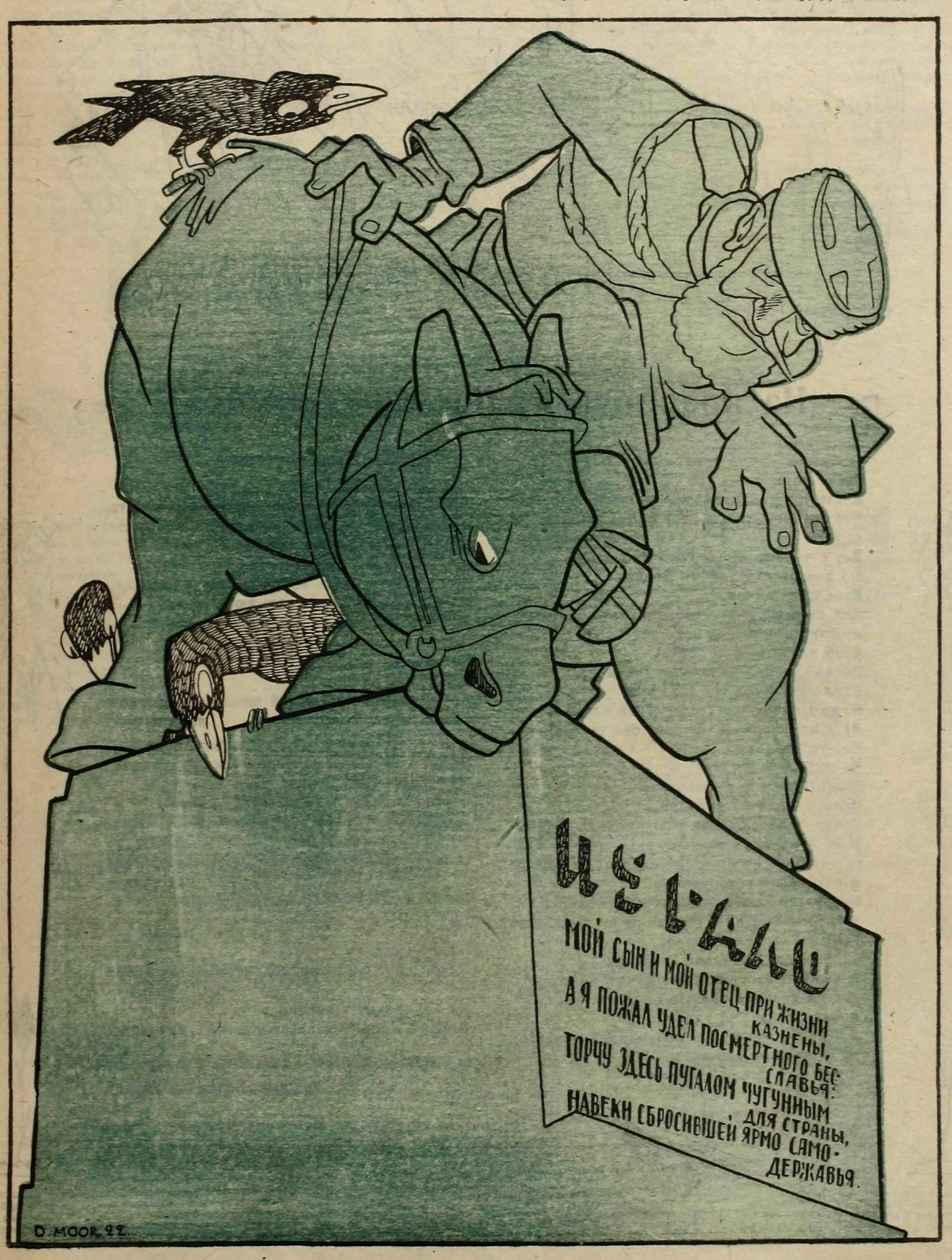

Рис. М. Черемных.

На красного крокодила надейся..

—„Литературный труд
Очень крут,
А как он жалко вознаграждается,
Кто начнет писать, тот в этом быстро убе-
ждается...“—
Вот с какими мыслями наш крокодил
По московским улицам ходил.
Езда трамвайная
Для него роскошь необычайная:
Лишних миллионов нет,
Чтоб платить за билет.
Однако, вчера — куда, не знаем,—
Ехал наш крокодил трамваем
И, не доезжая до Театральной площадки,
Чуть не попал на тот свет без пересадки:
Что-то грохнуло,
Человеческое охнуло,
Женщины и дети завопели — „ай!“
Словом, налетел трамвай на трамвай.
Раненых пассажиров в автомобили грузили
И по больницам развозили,
(К счастью, не было таких, что — в могилу!)
А как нашему крокодилу
Неприятен самый больничный запах,
То прискакал он в редакцию на трех лапах,
Где заявил категорично:
—„Не поеду трамваем вторично!
А пешком на трех тоже ходить не могу!“
Лег на диван и больше ни гу-гу,—
Вроде б, сказать, помер
Вот вам и очередной крокодилий номер!
Надо книжку верстать,
А где материалу достать?

Посадил крестьянин колосок ржаной... Злится и ярится мироед лихой.

Дорогие наши читатели,

Друзья-приятели!
На крокодила надейтесь, а сами не плошайте:
Краснокрокодильцам на помощь поспешайте:
У кого какие разумные планы и виды,
Кто пострадал от незаслуженной обиды,
Кто может указать сокрытые преступления
Или обнаружить застоявшуюся грязь,
Пишите нам письма без промедления,
Держите с нами деловую связь.
Потому —
Крокодилу одному
Не добраться до каждой щели и до каждого
канальца.

А мы не хотим высасывать материал из пальца.
Печатаем мы краснокрокодильские тетради
Не зубоскальства ради,
А чтоб предавать карающему смеху
Все, что составляет для Советской власти
помеху,
И всех, кто совершает преступления или
глупости
По злому ли умыслу или по тупости!

На этом ставим точку.
Надо приложить крокодилу спиртную при-
мочку.
Да присмотреть за ним тайно,
Чтоб он примочки не проглотил... случайно!

Демьян Бедный и Теплая компания
Краснокрокодильского звания.

Он озлился крепко—я те проучу!— Выпущу на колосчуху саранчу

КООПЕРАТОРЫ.

Работа кончена. Гудок гудит ленivо. Из распахнувшихся, как челюсти, ворот, ругаясь, торопливо и шумливо течет до мой толпа рабочая.

Тщедушный тенор, тонкий и визгливый, испуганно и яростно орет:

— Куда?! А на доклад кипиратива?

— Товарищи, назад! Иван Петрович, Прошка! Куда же вы? Назад! Сегодня, ведь, доклад! А то опять дадут гнилую картошку, поди там, разбери, кто прав, кто виноват. Ишь, побегли, как будто дома сладко,—агрынизации в вас нету ни на грош! А как дадут ржаную за крупчатку, — небойсь, как дьявол, первый заорешь! Эх, несознательность...

Толпа остановилась. Полезли сумрачно в затылки и в зады.

— Придется обождать...

— А что, скажи на милость, какой нам толк от этой ерунды?

— Ну, не горлань, чай, сам был в лавке тоже. Не зря сидел, ребята говорят «ишь, отрастил себе какую рожу»...

А там, в заводе, страсти уж горят...

—

— Что же касательно данного сала здесь виновато во всем Эм-Пе-О. Слишком оно нам вперед обещало, ну, а потом не дало ничего. В смысле капусты... Капуста — в доставке, равно и прочие там овоща. Нынче среда? Значит, в пятницу в лавке можете все получить сообща.

Взносы, которые раньше вносили, там—на муку, на горох и пшено—все остаются попрежнему в силе, только на них ничего не дано. Будет ли — нет, в Церабкопе не знают, взносы, однако, же не пропадут: кофе и чаю нам дать обещают, ну, вероятно, пшеницы дадут.

— Как там с дровами?

— Дрова на примете. Восемь делянок для нас отвели. Только, я слышал, делянки-то эти в прошлом году еще с корнем свели. Ну, я, конечно, сумел все поправить: так, мол, и так, не дрова, а трава, — ну обменили. Могу вас поздравить, — на зиму будут огонь — не дрова. Месяца я хлопотал полтора, ведь.

— Ладно уж... Знаем, что ты голова!

— Ты вот скажи, сколько станут дрова нам?

— Трудно, товарищи, цифру назвать. Будем стараться не бить по карманам самую минимум, можно сказать.

—

Собранье конечно. И сторож молчаливый из распахнувшихся, как челюсти, ворот с завода выпускает торопливо шумливый и измученный народ.

КУМАЧ

„ДАЧНЫЙ ТРАНСПОРТ“.

Рис. И. Малютина

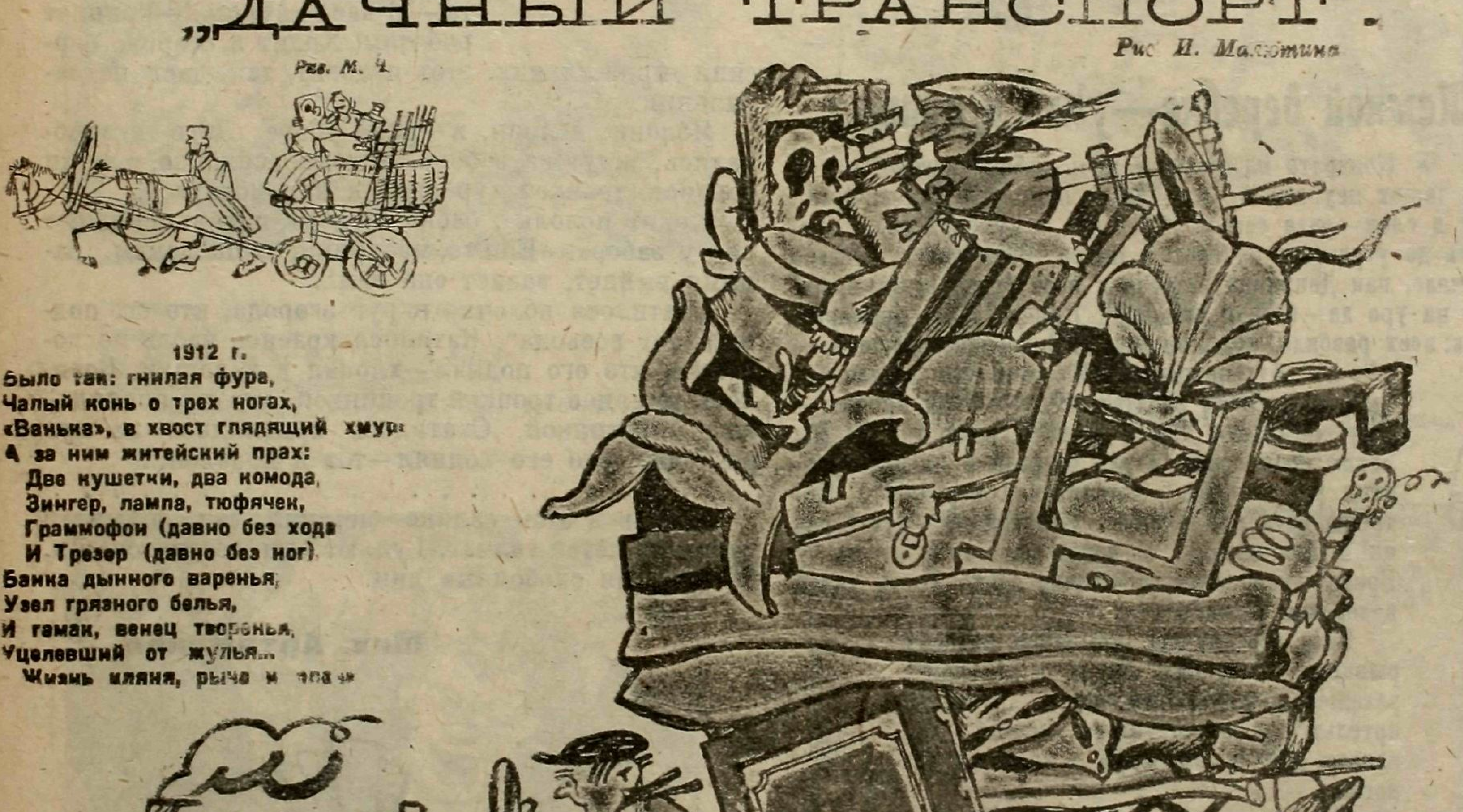
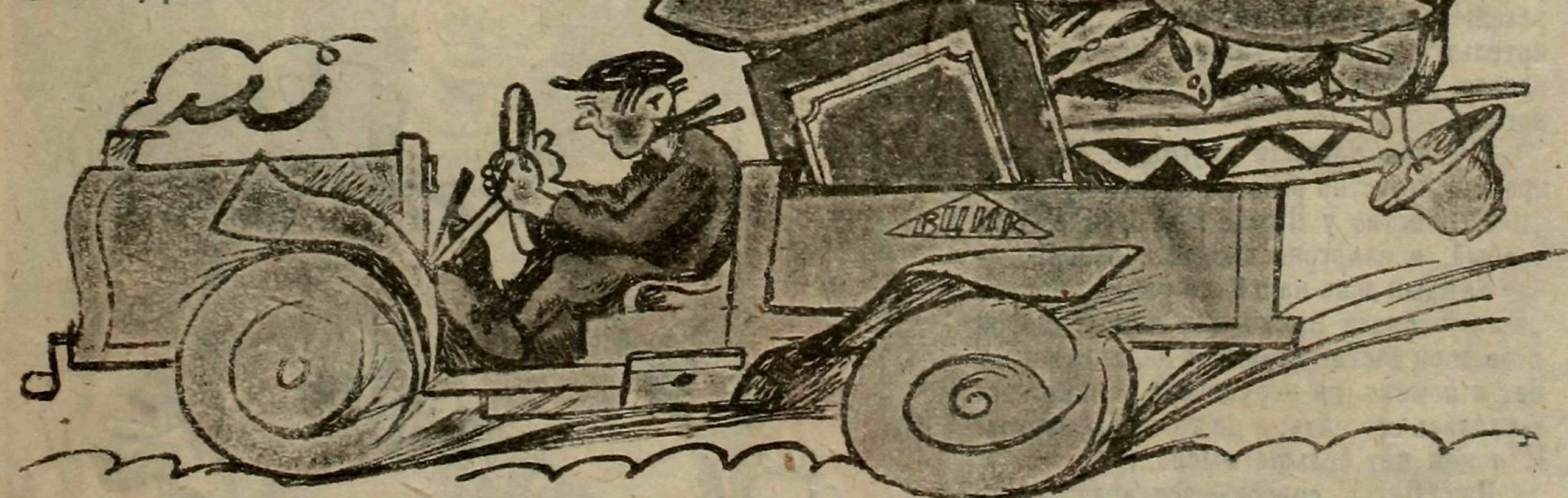

Рис. М. Ч.

1912 г.

Было так: гнилая фура,
Чалый конь о трех ногах,
«Ванька», в хвост глядящий хмуро
А за ним житейский прах:
  Две кушетки, два комода,
  Зингер, лампа, тюфячек,
  Граммофон (давно без хода
  И Трезор (давно без ног).
Банка дынного варенья,
Узел грязного белья,
И гамак, венец творенья,
Уцелевший от жулья...
  Жизнь кляня, рыча и [illegible]

Мужичек по книжке грянул с гадом в бой, саранчу прикончил газом и косой.

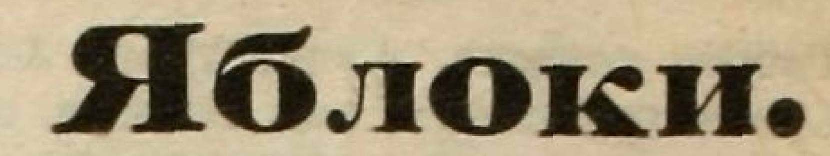
Проклинают день и час
  В кои дьявол слово «дача»
  В злости выдумал для нас
  Охо-хо, вези, Ванюха!
  Бей, что можешь, колоти!
  Ты ж диктатор, ешь те муха
  В этом чертовом пути...
Кто ты мрачный, незадачный,
Ты, чья жизнь сплошной провал?
Страстотерпец это дачный—
Титулярный чинодрал.

1922 г.

Ныне так: зовется «номер»
Три минуты—ни гу-гу.
  Дальше строго:—«Номер! номер?!
  Дозвониться не могу».
Пять минут... Соединили!
— Трррр!..—Товарищ Петухов?
— Здрасти. — Кстати, не забыли
Обещанья?..—Век готов!
  — Ну, так, милый, услужите
  — Анниванна, чем могу?
  — Переехать помогите!
  — Понимаю, ни гу-гу.
  ...У забора два мотора
  Лимузин и грузовик
  Первый—из Комгосоора,
  А второй — всего из ВЦИК
Три иконы, три лампадки,
Пять перин и самовар,
Все домашние монатки,
Полный дамский будуар.
  Совболонка, совкухарка...
— Будем дома, — не горюй!
  ...В совквартиру из совпарка
  Едет совка совбуржуй.

Рис. И. Малютина

Яблоки.

Яблони, яблони в ярком уборе. Дети вкарабкались, ждут на заборе. Яблочко, яблочко, с ветки сорвись, травкой - муравкой к нам докатись, падай к нам, яблочко, ветку сломив, вкусное, сладкое, белый налив!

Яблони шепчутся в ярком уборе. Дети - галчата ждут на заборе.

По-саду ходит дочка княгини, пробует яблоки, кусит и кинет, и сморщится, горя ей мало! Эти бы яблоки нам покидала....

Ходит княгиня зла и богата.—Я вас мазурики!—крикнет ребятам. Ходит и сторож, барский прижильник, этот изловит, так даст подзатыльник.

Яблони, яблони, в ярком уборе. Дети вкарабкались, ждут на заборе. Яблочко, яблочко, с ветки сорвись, травкой муравкой к нам докатись!

Ходит полольщица, бабка Федора, падальцев кинет она у забора:—Ешьте, мазурики, и по домам, барыня выйдет, задаст она вам!...

„Катилося яблочко вкруг огорода, кто его поднял, тот воевода". Катилося красное вдоль по дорожке, кто его поднял—хлопал в ладошки. Катилось румяное тропкой-тропинкой, кто его поднял—был сиротинкой. Скатилось приглядное на луг раздолен, кто его поднял—тот и доволен....

. . . .

Теперь в этом садике—детский сад, шумит и гудит от детей-галчат. Гуляют они, веселятся они, прославляя свободные дни.

Мих. Артамонов.

Темной деревне—указ и пример.

У Кондрата на селе в ночь изба навеселе, что ж что час-от неурочный: Петр сынок пришел в бессрочный!! Нет и слов—рада семья! Сватовья и кумовья рады слушать до утра речь буденовца Петра. Петр завел рассказ вначале, как Деникина встречали всей буденовскою бражкой на ура да—острой шашкой!! Кончил речь, примерно, эдак: всех разбили,-мол, вппоследок!! Подивились мужики:—

„Во о-о, буденовцы каки!! Эт-то да: задали белым, кровососам оголтелым!!..."—Фрол кричит:— „Ну, загалдели! Брось шуметь, ряди о деле! Мы таким ероям рады и для встречи и награды угостим Петра собча... четвертухой первача! У Матрены есть припрятан... Самогон то—будет рад он!... Для начала, а потом мы—аппарат то у Еремы—как заквасим—бочку эдак. Гость такой в деревне редок"...

Петр все слушал, улыбался, перебить их порывался, но дождав конец их „сборам", разошелся разговором перед „дружною артелью" о запрете злого „зелья", дал словам правдивым волю о вреде от алкоголя.

Мужики поникли грустно... По селу прошла стоустно речь из самого нутра:— „Нет геройства у Петра! Где ерой, а где и слабый, в самогоне вышел... бабой!...—

Каждый день наш Петр упрямо против „зелья" бился прямо и к концу второй недели он достиг желанной цели: самогона нет в помине, на нерушимой „амине" все заклялись его пить, а не то чтобы варить! И о нем нет больше мысли...

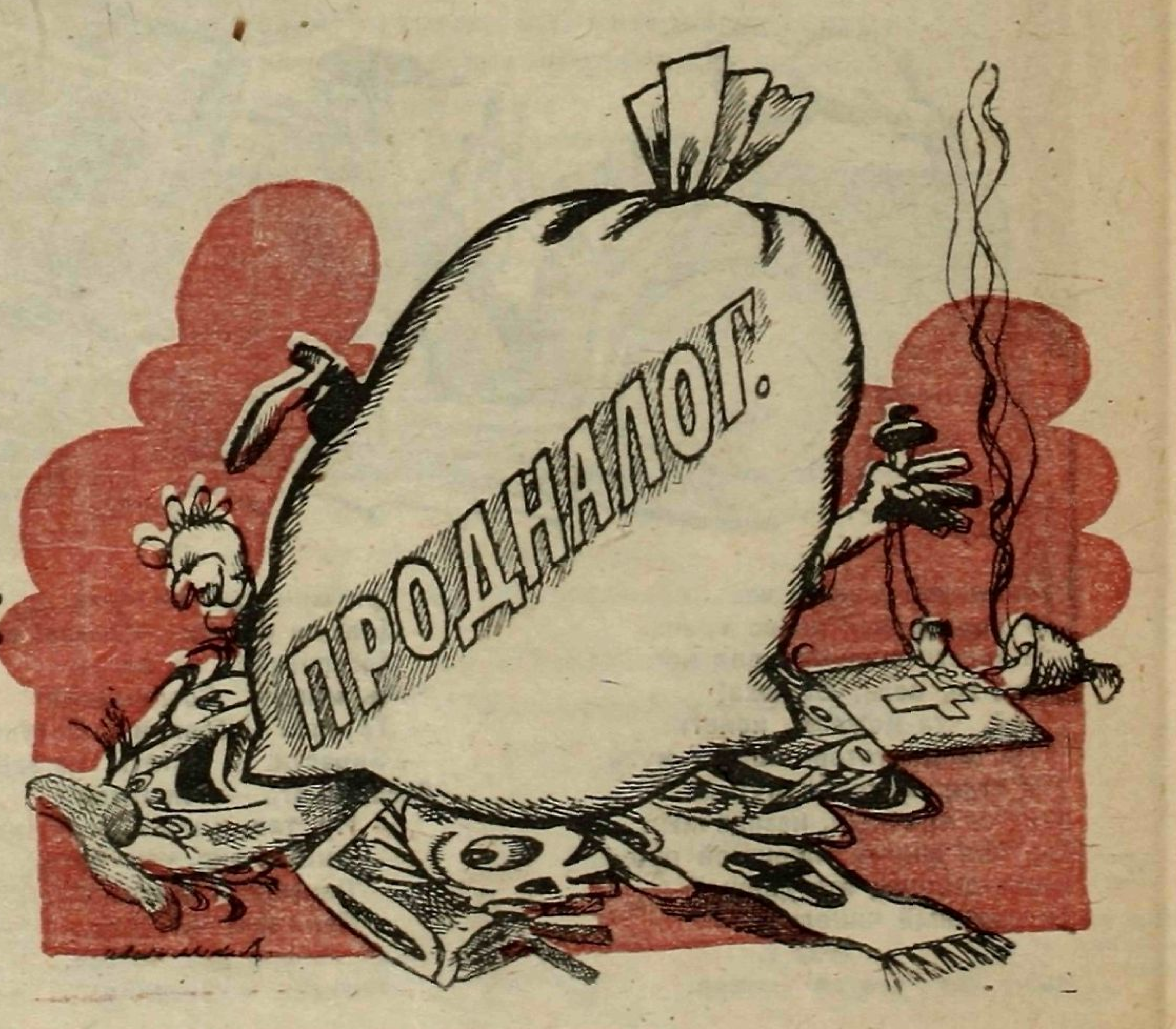
Про Петра спроси—все враз:—„Да, ерой он в полном смысле, нам во всем пример, указ!..."

Буденовец

Фед. Докукин

Ворог взвыл от злости, и на мужика выпустил в деревню злого кулака.—Дай взаймы мучицы им в голодный час,—с урожая взыщешь больше в десять раз.

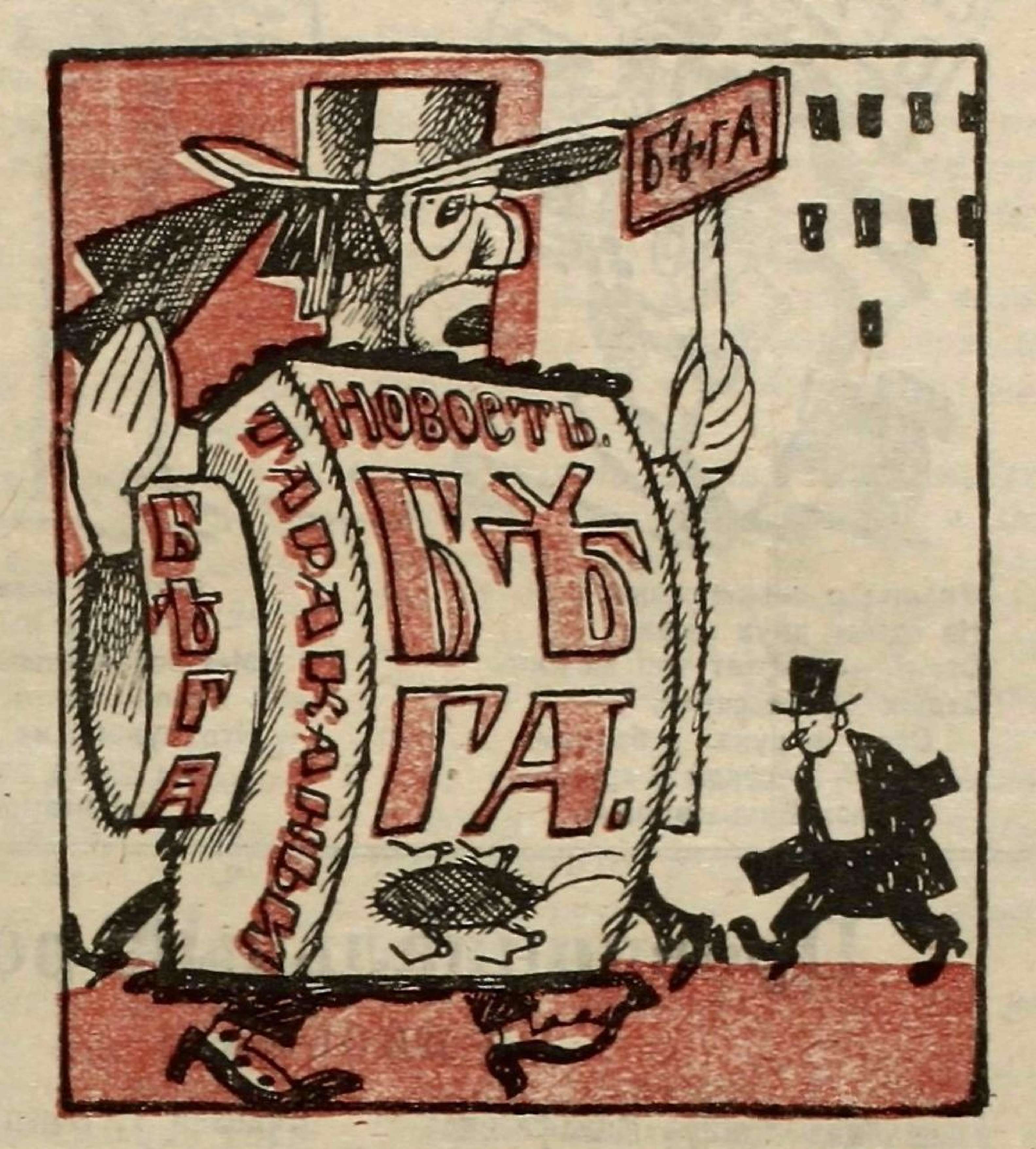
ЭМИГРАЦИЯ РАБОТАЕТ.

«Как ныне сбирается вещий Олег»
Отмстить на Руси коммунарам,
Готовя в Европе последний набег,
Там время он тратит не даром,
От злости горя, закусив удила,
Все русские там погрузились в дела

Рис. Малютина.

Писатель N. N., издавая журнал,
Глаза с голодухи проплакал,
Но лег он во гроб и оттуда вещал
Загробно, как древле оракул:
— «Царь будет в России». Эй, русский, держись!
И денежки в кассу рекою лились...

NN губернатор, уставший от бед,
Как барин и светский и тонный,
Гуляет, часами за стол и обед
По городу в бабе картонной.
На бабе рекламы краснее зари:
«Лишь только у Шульца!! артикль де Пари!»...

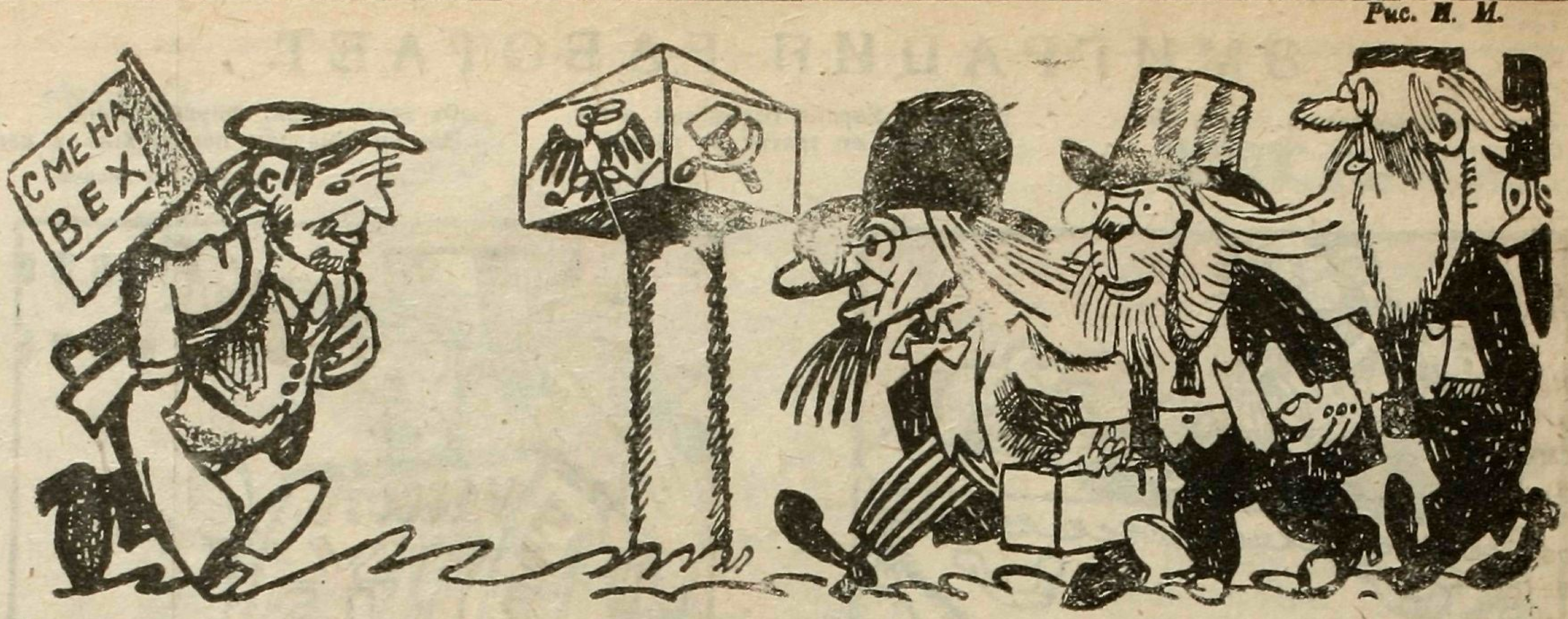

Заводчик NN., похудевший слегка
Работы в бесплодном исканьи,
Открыл в задней комнате бар-кабака
Новинку—бега тараканьи.
Солидные сборы... Набитый карман...
Дает человеку прокорм таракан...

Графиня отколь-то деньгой разжилась,—
Ведь, отпрыск старинной породы,—
И столоверченьем теперь увлеклась.
А это приносит доходы.
Кружатся столы, и она, и кабак...
На каждую рыбку найдется рыбак...

Рис. И. М.

Унылы и сконфужены,
На грани двух миров
Стоят — дрожат три дюжины
Седых профессоров.
Стоят в руках с баулами
Стоят с тоской в груди,
Ругают Вельзевулами

Кого-то позади:
— Постойте вы анафемы
Мы все припомним тле!
В Европском-то хайлайфе мы
Что пудель на ветле.
Вы бьете остракизмами
А мы взамен того—

Сенсациями, клизмами..
Посмотрим, — кто кого!
Позор тебе, Республика!
А нас — Европа ждет!

Но странно: что за публика
На встречу-то идет...

Провинциальный роман.

(В ПИСЬМАХ).

Уважаемая Тамара Малафеевна!

Вы украшение и гордость блестящего ударного бала комитета сотрудников Меделянского усобеза. Как та древняя Тамара похитительница сердец мужских, так и вы похитили одним взглядом ваших чудных глазок таковое у меня. Молю разрешить проводы до дому, иначе за себя не ручаюсь. В ожидании эстафет.

Известный вам военрук
Николай Типакин.

Милый Коля!

Как вы прелестно пишите, но к сожилению окроме польки ничего не обещаю. Провожает меня кажный день Петя Сахаревич очень ревнивый и он мое начальство. Если будете приставать он посадить в ночное дежурство на машинке писать у нас пиререгистрация хомутей в уездном моштабе.

Ваша машинистка **Т. Фитькина**

Петр Мореевич!

Считаю своим долгом сообщить что Николай Т. (спец) имеет флирт с Тамарой Ф. (совработница). Обратите внимание на эту разруху.

Ваш анонимный доброжелатель
П. Грязнов (пищевик).

Уважаемый товарищ Типакин.

Исходя из того, что вы, как человек ответственный и военработник и не станете злоупотреблять чужим доверием и оставите в покое известную нам обоим сотрудницу.

С приветом завхоз уэмтранз
П. Сахаревич.

Г. Сахаревичу.

Вы мне не товарищ, ибо эксплуатируете вверенную вам девушку, пользуясь служебным положением, о чем будет сообщено. Лучше не лезь.

Типакин

Военруку Типакину.

Делаю вам первое предупреждение, ибо твердо верю, в вашу лойяльность и настаиваю, на немедленной ликвидации взаимоотношений с вышеупомянутой особой. Это вам, Николай Кузьмич, не старый режим.

С приветом **П. Сахаревич**

Фитькиной.

Тамаруся, мне Петя все сказал. По моему лучше оставь военрука, он красавец, но тиран. Пришли пудру и носвяточек

Катя

Завхозу.

Отстань от меня, Сахаревич. Опупел, ты что ли, как говорят кавалеристы у нас. Тамара моя всерьез и надолго. Прозать мне за тебя. Хоч ты и Сахаревич, а дурак, как сказал бесмертный писатель. Лучше хватай в порядке срочности Катю. Жму твой гребет.

Отнюдь без привета **Типак..**

Типакову.

Ну, как «твоя» Тамара...

Это от большой любви, что ли, за кулака Матюхина выскочила?.. С попами... С музыкой и прочее.

Вот тебе и любовь. Спешу тебя уведомить, что по моему глубокому убеждению ты как был дураком, так и остался всерьез и надолго!

Не фарси, Сахаревич.

Подобрал в корзине **Кандид.**

Взвыл мужик белугой, рявкнул — караул!
Мироед подпругой горло затянул, да пришел
на помощь умница—декрет. От кабальных
сделок в миг простыл и след

[illegible]-трест

Необыкновенная история.

(Дневник происшествий).

Газеты опубликовали довольно странное сообщение:

«МОСКВА, 27/VIII. В Москве, в центре города, появился крокодил (РОСТА)».

Сообщению сначала не поверили. Некоторые решили, что Роста, за отсутствием материала, подновила свою позапрошлогоднюю телеграмму о крокодилах, пойманных в Волге. Но дня через два «Известия» поместили в отделе уголовной хроники заметку следующего потрясающего содержания:

«ПОЛАКОМИЛСЯ. Появившийся в Москве крокодил содержится, повидимому, без всякого присмотра. В поисках подходящей пищи он бросается не только на случайных прохожих, но и на граждан, работающих в советских, кооперативных и частных учреждениях и организациях.

Население заволновалось. Многие граждане лишились сна и покоя. Один солидный железнодорожный служащий от волнения поперхнулся крупною взяткой и пришел в себя только в приемном покое ГПУ, куда его доставила перепуганная карета скорой помощи. Некий почтенный председатель жилищного товарищества, только что приступивший к выселению рабочих из буржуазных домов, внезапно выселился сам в камеру народного судьи.

Известие о появлении в Москве крокодила проникло и за границу. Эсеровский «Голос России» и кадетские «Последние Новости» спешно составили, при помощи Мартова, общую передовицу, в которой писали:

«Ликвидация ВЧК оказалась, как и следовало ожидать, обманом, расчитанным на доверчивость наивных буржуазных простачков. Вместо Всероссийской Чрезвычайной Комиссии большевики завели всероссийского чрезвычайного крокодила (тоже вчк!), который хватает и проглатывает лучших русских людей без соблюдения каких бы то ни было судебных формальностей. Но не поможет и крокодил!.. Как мы предсказывали еще 25-го октября 1917 года, большевистское правительство не сможет продержаться долее двух недель».

Иностранные газеты поспешили проинтервьюировать Максима Горького. Уважаемый писатель сказал:

«Отличительная черта русских крокодилов—жестокость. Об'ясняется она тем, что крокодилы не умеют читать и, следовательно, не читали «Жития Святых», в которых могли бы почерпнуть правило веры и образ кротости. Кроме того, русские крокодилы некультурны: им ничего не стоит хватить зубами даже любого уважаемого писателя. У нас, в Западной Европе, подобные явления, конечно, немыслимы».

Несмотря, однако, на шум, поднятый русскими и иностранными газетами, некоторая часть населения продолжала сомневаться в существовании крокодила.

Конец всем этим толкам положила трагическая заметка, появившаяся на днях в «Рабочей Москве». Заметка гласила:

«Местопребывание крокодила, наконец, обнаружено. Жертвою его нападения сделался на этот раз тов. Л. Б. Каменев, проходивший по Охотнорядской улице в целях споспешествования украшению города».

Не тревожились только рабочие. И когда сотрудник «Рабочей Газеты» обратился к одному из них за соответствующими раз'яснениями, рабочий спокойно заявил:

— Ну, крокодил. Что же из этого?

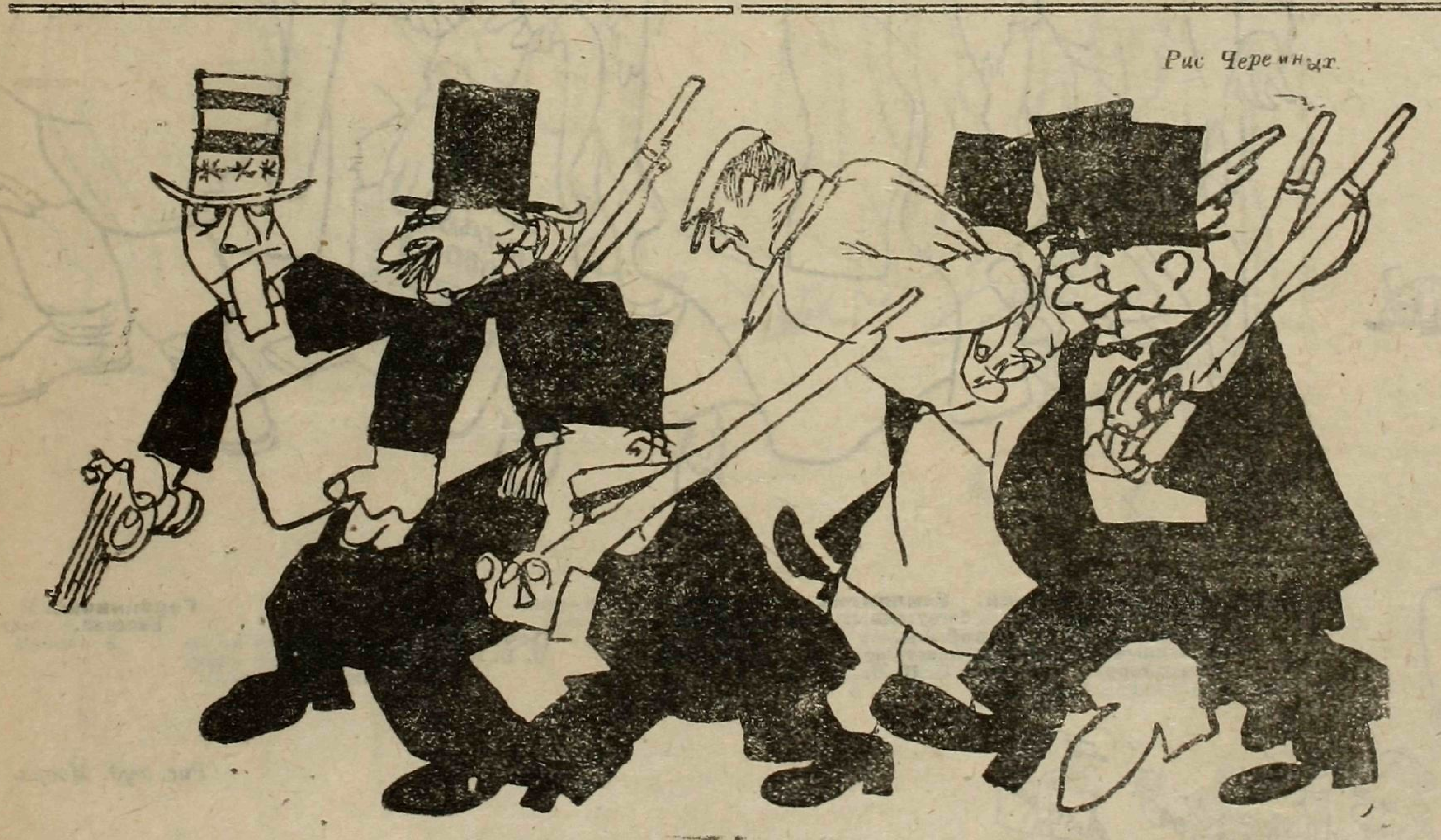
— Но позвольте... В Советской Социалистической Республике, и вдруг—такой зверь! Живой крокодил!

Рабочий подумал. И сказал:

— А я намедни настоящего буржуя видал. В Советской. В Социалистической. А то—крокодил!.. Подумаешь!..

Грамен.

Я-ж тебя доеду! ... капитал... Для беды ... жицкой „батюшку нас...

На какое разоружение они согласны

ТЕАТР КРОКОДИЛА. (Тр

Заключительная сцен

Роли любезно согласились взять на себя нижеупомянутые лица. Замеча

Батюшка умильно ходит и кадит, угольком кадильным колосу вредит.

Добчинский и Бобчинский. (Польша и Финляндия). **Земляника.** (Попечитель богоугодных заведений) папа. **Ростовский и Коробкин.** (Отставные чиновники, почетные лица в городе) Вильгельм II, Н. Н. Романов. **Судья** (Америка). **Гость.** (Чернов). **Почтмейстер.** П. Н. Милюков. **Городничий.** Капитал.

Рис. худ. Моора.

Видит наш крестьянин—От попа—те вред!.. Дал ему по шее, да пинка во след. Чуть не сгинул колос, сгубленный попом, да пришел ученый с книжкой агрономом.

...ппа значительно увеличена!!)

...из „Ревизора“ Гоголя.

...я для господ актеров любезно согласился дать сам автор Н. В. Гоголь.

Колос починили, отлегли душой! — Поправляйся, милый, вырости большой.

Хлопов. (смотритель училищ). Максим Г.

Анна Андреевна. (жена городничего) Ллойд-Джордж.

Марья Антоновна. (Дочь городничего) Пуанкарэ.

Уховертов. (Частный пристав) Вандервельде.

Гости. Мартов. Родвано.

Гибнер (лекарь) Факта.

Мишка. (Слуга городничего) Керенский.

Формуляр идеалиста.

В восьмидесятые года
Он справедливость и добро
В косоворотках, бородах,
Шел проповедывать в народ.
Он в девяностых «Капитал»
Решил читать в чаду невзгод.
Но до конца не дочитал,
Лишь переплет понес в народ.
Для баррикад он нес дрова,
Шкафы и стулья в пятый год.
Четырехвостку добывал,
Чтобы пустить ее в народ.
В седьмом взяла его тоска,
Проблемам пола дал он ход.
В девятом бога он искал,
Чтоб не взбесился вдруг народ.
Четыре года в карты дул,
Набрав воды (нет водки) в рот,
Чтоб в четырнадцатом году
На бойне ублажить народ.
В семнадцатом под красный флаг
Бел человеческий он род.
Когда ж октябрьская пришла,
Пошел он дальше за народ.
С Деникиным и Колчаком,
Собрая в шайки всякий сброд,
В руках с антантовским ружьем
Шел за народ, все за народ.
В двацатом он взрывал мосты
И франки занося в доход,
Всех жуликов и всех святых
Сзывал спасать родной народ.
В двадцать втором, надеждой пьян,
Когда настал голодный год,
Он европейский блюл карман,
Чтоб хлебом не сгубить народ.
Под нэпским солнцем стал садить
Он милюковский огород,
Чтоб белой репкой угостить
Им столь возлюбленный народ.
Теперь и дурень разберет,
Куда он гнул, куда он гнет.
Всю жизнь стоял он за народ,
Но только задом наперед.

Сергей Городецкий.

Будет капиталу от тебя конец.. Вон уже горюет и скулит наглец, думает: — пошлюка я на мужика скупщика — вампира, то есть паука...

Высокий покровитель.

По всей Польше прокатилась волна еврейских погромов и зверств над мирным населением.
Правительство Пильсудского повидимому покровительствует погромщикам". (*Из газет*).

Рис. Бор. Ефимова.

Пан Пильсудский и его храброе воинство.

Ой—нажись, попав на зуб „крокодилу“!

„Крокодиловы“ слезы.

В России чины уничтожены,
В архив все сословия сложены
(Пусть память о них отомрет)...
Но... все-таки слышу в народе я:
Иное «его нэпородие»
Совсем «не по чину берет».

* * *

Профессор Озеров, чтоб наш спасти бюджет,
Чтоб перейти мы вновь могли к монете звонкой,
Нам предложил проект: споить народ «казенкой»...
Профессор—умный спец: об этом спора нет.
Но... спецы многие работают, к несчастью,
Не головой у нас, а лишь «казенной частью».

„У попа-то рукава-то“..

Недавно редакцией казанской газеты «Клич» было получено чрезвычайно курьезное письмо в редакцию.

Сидят комсомольцы около ворот своего дома, а по улице идет священник и размахивает весьма широчайшими рукавами.

Увидали его наши ребята и запели:

«У попа-то рукова-то, батюшки»...

Поп поравнялся с ними и в тон им пропел:

«Дураков-то у ворот-то, матушки»...

Обидно, чорт возьми, что спасские ребята дальше ничего не придумали —замолкли и покраснели.

Наши тетюшские никогда бы не стушевались, а спели бы попу в ответ.

Весьма вероятно, что после того, как ответ этот будет выработан, кое-кому придет в голову послать его на одобрение в губернский отдел комсомола, а последний, в свою очередь, перешлет «ответ попу» в ЦК РКСМ на окончательное утверждение.

А поп тем временем угомонится, одумается, примкнет к «Живой церкви»,—и ответ таким образом запоздает.

Комсомольца обругали
Батюшки!
Он в ЦК побрел в печали
Матушки!
Комсомолец мой хлопочет
Батюшки!
Обругать попа он хочет
Матушки!
Но в ЦК ему велели
Батюшки!
Ждать «ответа» три недели
Матушки!

Пиковое положение.

Рис. Еф. Борисова

Экономическое и комерческое положение Австрии не оставляет желать ничего худшего (из газет).

Молодая нуждающаяся интеллигентная девица ищет знакомства с состоятельным господином (возраст безразличен). „Согласна на брак“. Расстоянием не стесняюсь. Обращаться в Вену, до востребования.

Корокодиловы частушки.

Ведь теперь соблазны нэпо
Многих тянут покружить.
Крокодиловое вето
Не мешало-б наложить.
Нэпман ты или партийный
Ежели проштрафишься,
То в коляске крокодильной
Быстренько прокатишься.
Там кутеж, трещат трактиры
Все делишки бражные,
Крокодил, питомец Нила
Размахнись отважнее

Багульник

Явится с деньгами, скажет—уважай!.. И возьмет (не)могоаь полный урожай. Снова неприятность—горе мужику, много бед различных на его веку. К опять из ... появился вдруг денежный и сильный ...

Денежный разговор.

Безмятежным сном спал нэпач. Храпел всерьез и надолго.

На столике возле кровати лежал толстый бумажник.

Из него выглядывают разноцветные бумажки.

Бойкая красная бумажка говорит соседке, измятой, поблекшей кредитке:

— И скука же у нас, товарищ, что у нэпача за пазухой. День-деньской еще туда-сюда. Из рук в руки. Но хочется пожить и в свое удовольствие.

— Майн либер гот! О, боже! Вы меня так испугали. Я так замечталась о фатерланд... Кто это?

— Ах! Вы, значит, не нашего подданства элемент... Имеем честь представиться: российский федеративный Лимон, дензнак 22-го, имею хождение наравне... с прочими.

— Ах, вы—«лимон»!.. Коммерческий европейский человек совершенно не признает вас. Вот, например, эс-эры пишут про них — всякую монету они брали—чешские кроны, франки, марки, доллары, а про «лимоны» ничего не сказано. Не уважали, значит...

— Смотрю я на вас, мадам, и дивуюсь. В наших делах, извините за вы... [illegible]

Так-то—эсеры!.. А позвольте узнать ваше имя-звание?

— Я? Я — германской имп..., то-есть рес... республики германской марка.

— О-го-го!.. Что-ж ты, матушка, ерепенишься! По нонешним временам имеем одинаковое хождение. И... и... слыхала тоже, как ты падаешь.

— О, майн либер! Падучей болезнью давно страдаю. Падаю вот... Что ни день, то падаю.

— А! Вот ужасти какие! С чего это на тебя такая напасть?

— Да... Господа хорошие, благородные. Вирт, Эберт, Носке—люди известные. Да что с них возьмешь? Нервные очень господа. Слабенькие. Как начну падать, так они сами начинают пошатываться... Ну, а вы, гер Лимон, что-то вижу я, бодрее стали, живее?

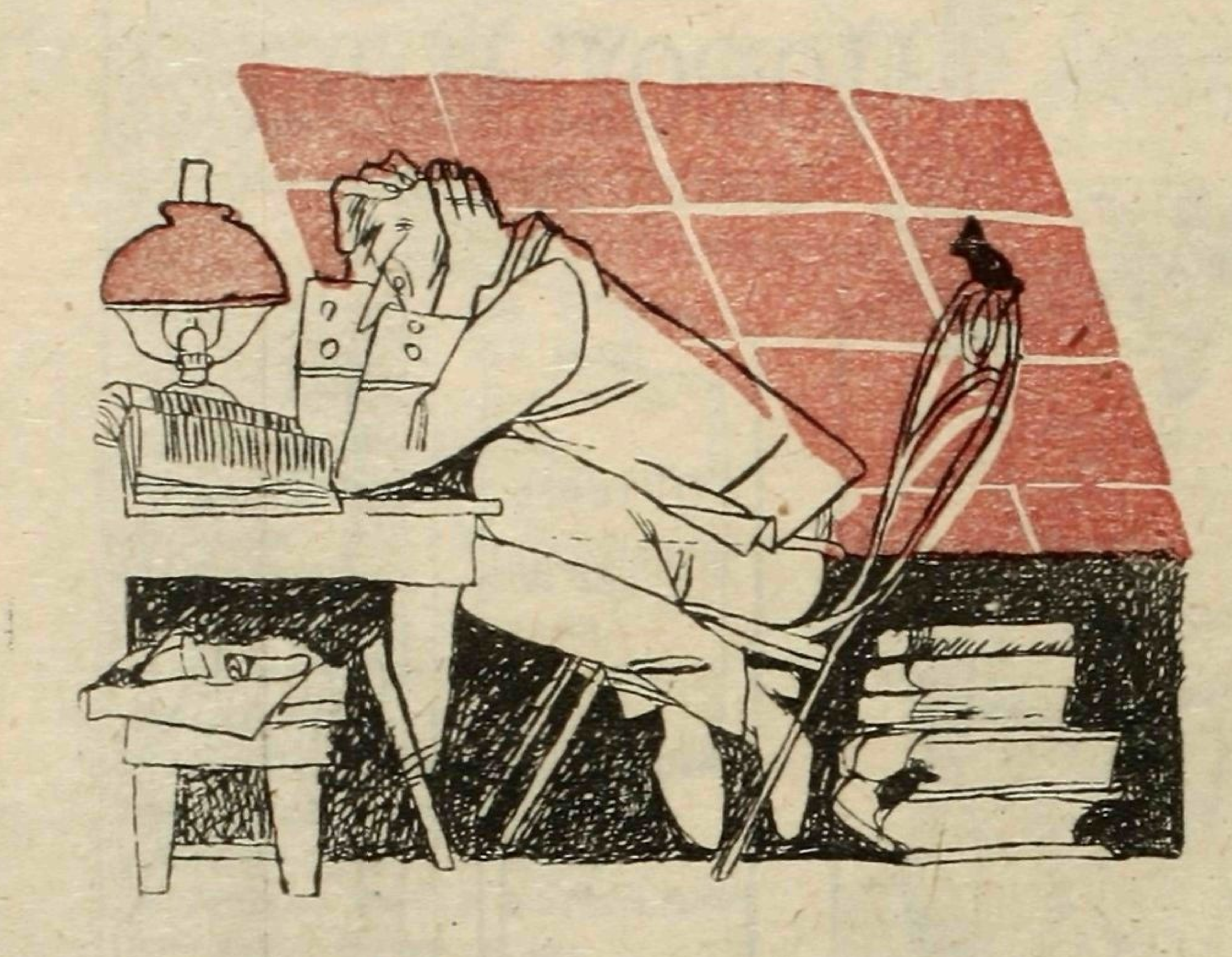
— Мне что? У меня аппетит. Аппетитом живу. Как завидел, что колосья на полях налились—мне и вольготней стало. Как посмотрел я, что везут крестьяне продналог—я чуть ли не в присядку пошел. Теперь мне на мешках-то небоязно с мешков не упадешь!..

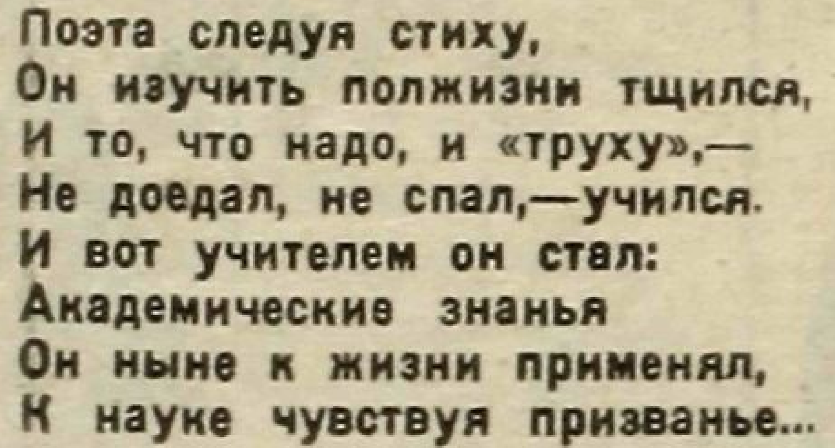
Г. Рыклин

То академик, то герой...

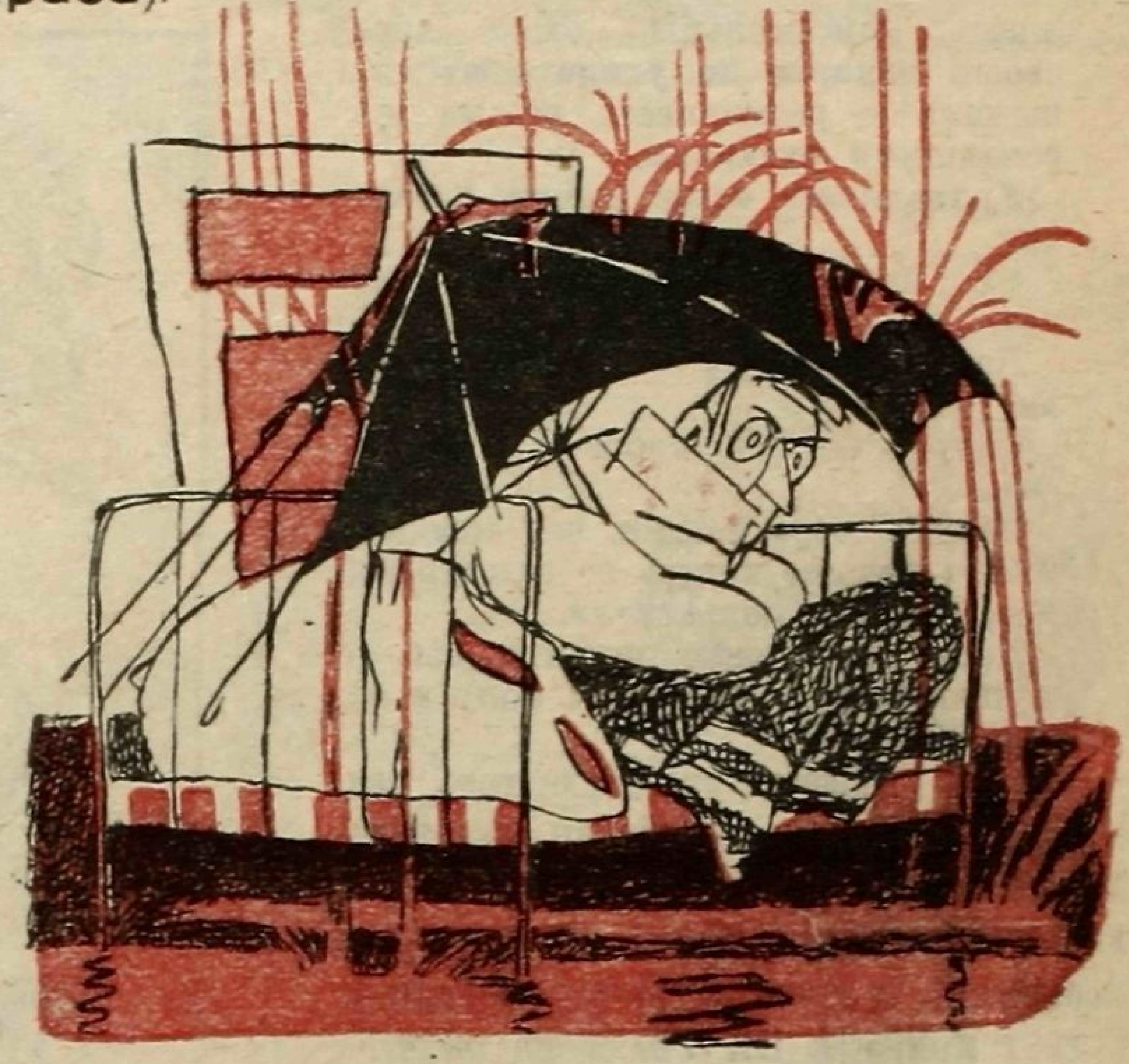
Рис. Черемных.

(из жизни шкраба).

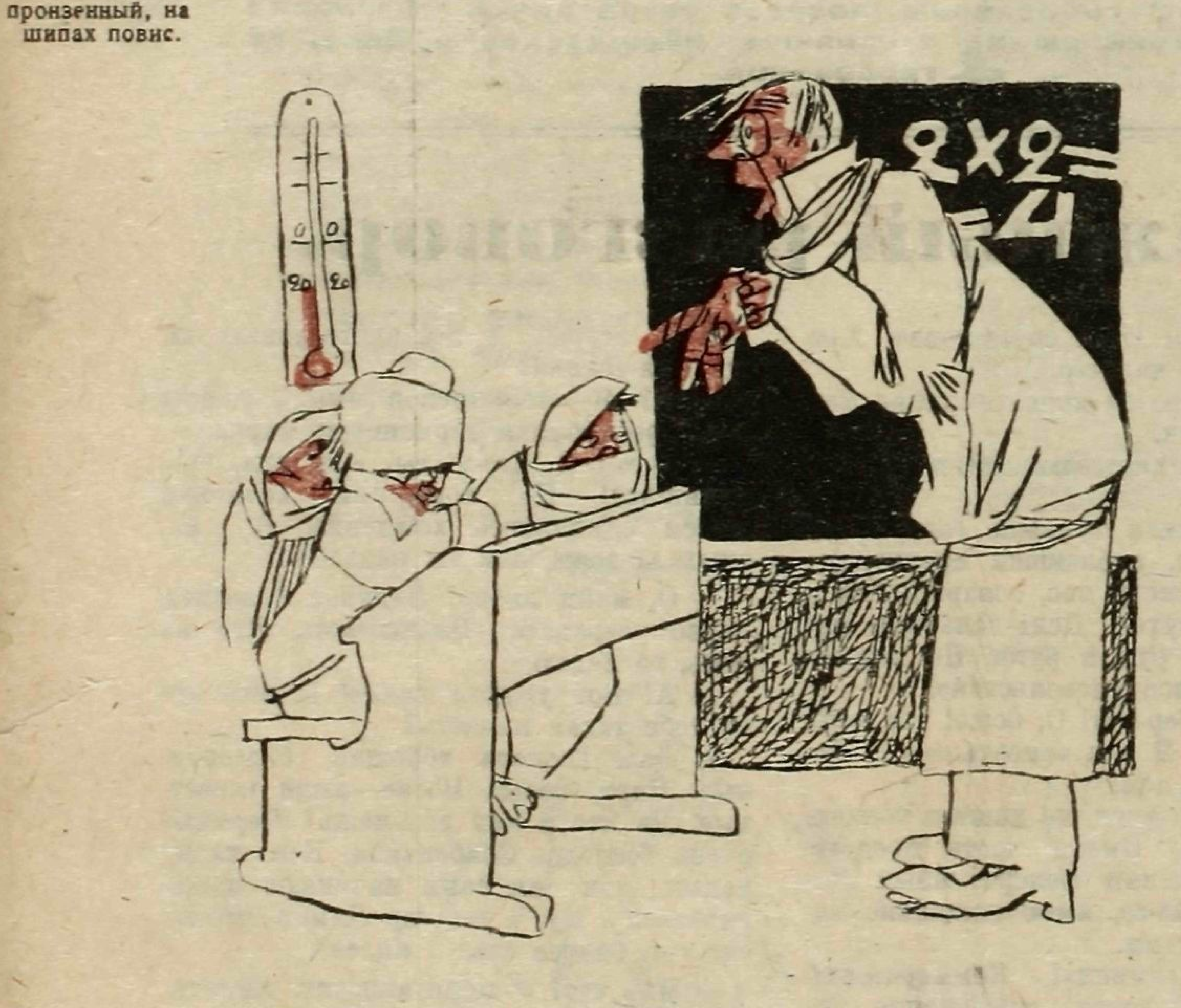

Поэта следуя стиху,
Он изучить полжизни тщился,
И то, что надо, и «труху»,—
Не доедал, не спал,—учился.
И вот учителем он стал:
Академические знанья
Он ныне к жизни применял,
К науке чувствуя призванье...

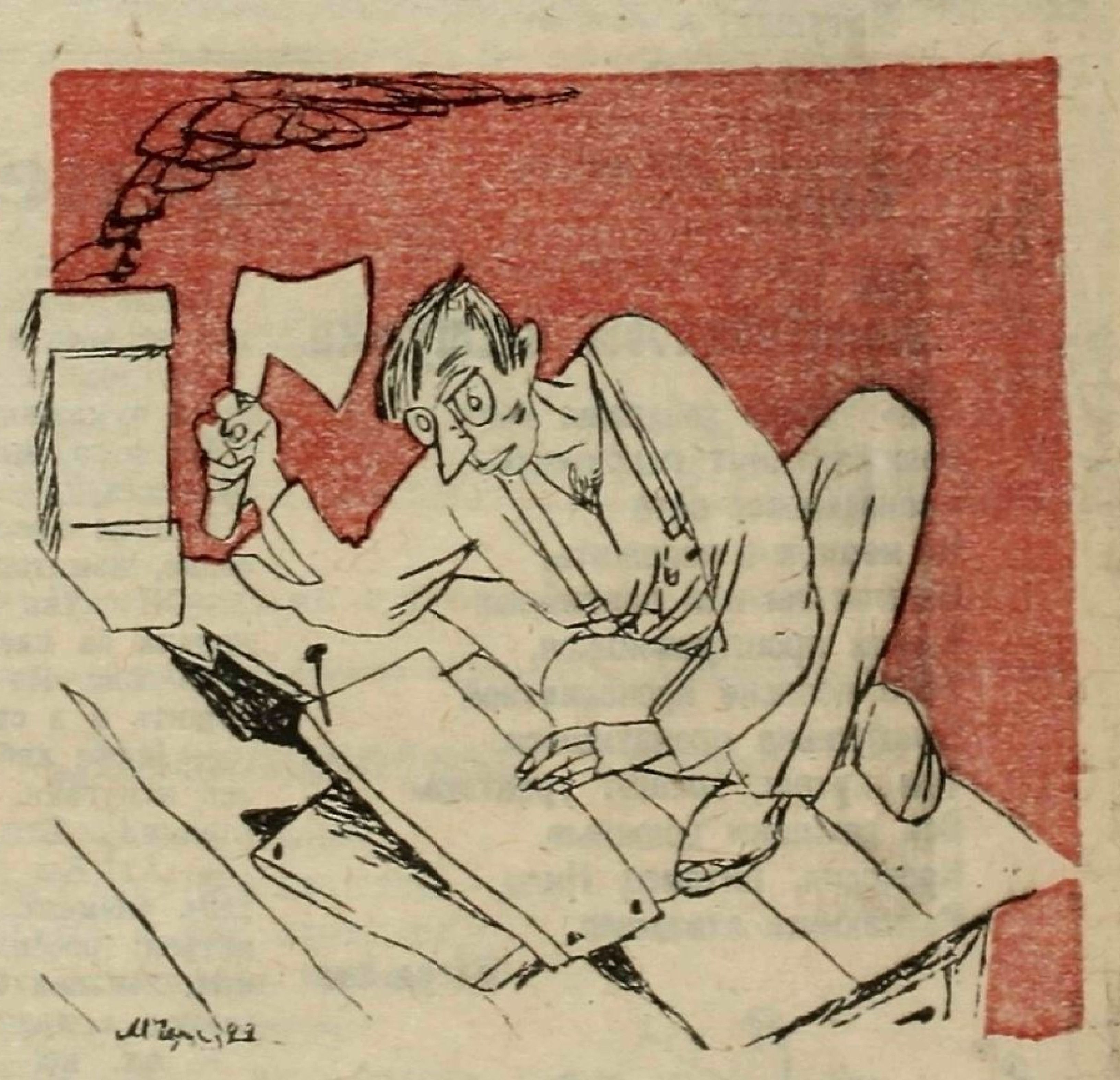

Но не мороз один, сносил
Он, как и голод, по-геройски,—
И мореплавателем был
Он в сухопутнейшем Пропойске.
Порою дождик заливал
И полквартиры, и полкласса,—
И он носился по волнам.
«Под капитана Гаттераса».

Зреет'— пухнет колос, прет под облака. Сласть и умиленье в серце мужика, волотые шипы, в капитал впились. Капитал пронзенный, на шипах повис.

Но академиком одним
Он не остался волей Рока.
Житейскою прозою гоним,
Был и героем без упрека.
Порою в школе был мороз
Такой, что градусник ругался,
Как будто краденый был нос.
А он, учитель, занимался.

Стихал потоп... И он летел
Из волн морских вперед и выше,
И, словно Петр, гремел—отучал
На сплошь прогнившей школьной крыше.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,—
Терпи, краса земли родной,
Товарищ шкраб и совработник.

НАШ ТРАНСПОРТ.

СОННЫЙ КРАЙ.

Большая часть нашего Волжского флота близ Нижнего-Новгорода бездействует. (*Из газет*).

Рис. И. Малютина.

(Из „Веселой Вдовы").

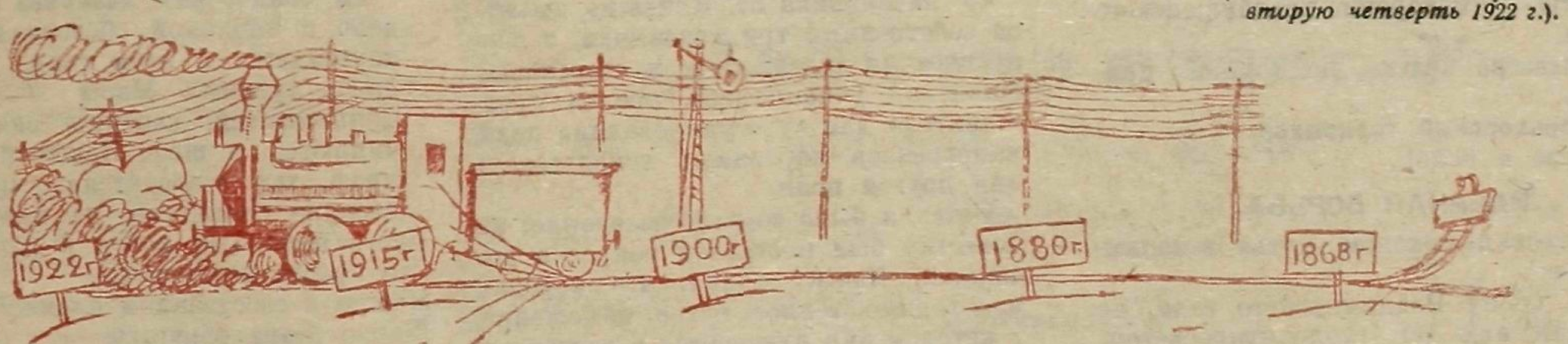
Ах, в ожидании зимы
На якорь плотно сели мы,
Сидим, как раки, на мели
И тихо песню завели...
Тихо и плавно качаясь,
Негу любя и комфорт,
Отдыхом власть наслаждаясь,
Крепко спит волжский транспорт.

Слышится где-то храпенье,
Плещется лещ в камышах,
Спит капитан в умиленьи,
Крючники спят на мешках...
Ах! по летам и по весне
Работы много матросне,
И капитану, и крючкам,
И водоливам, и мешкам.
— Ждать уж осталось недолго!—
Слышен таинственный стон,—

Встанет замерзшая Волга,
Встанут посуды в затон,
Спустится лишнего жира,
Сбросятся вольные сны,—
И, как машина с буксира,
Мы захрапим до весны.
На то и лето, чтобы спать,
Зимой мы будем отдыхать...
Эй, Крокодил! Потише, черт!
Разбудишь хохотом транспорт!

ДЕЛОВОЙ КРАЙ.

„Николаевская дорога по своему состоянию паровозов и по работе вернулась к 1880 г. своей деятельности".
(*Из отчета о деят. дороги за вторую четверть 1922 г.*).

Хорошо, что у 1868 г. упор стоит!

Тут конец рассказу, паукам—урок, а мужик на базу тащит продналог.

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ЦЕНЫ.

—Когда-то к Мюру и Мерилизу можно было зайти голым, а выйти одетым...
— Ну, а сейчас?
— А сейчас заходишь одетым, а выходишь голым...

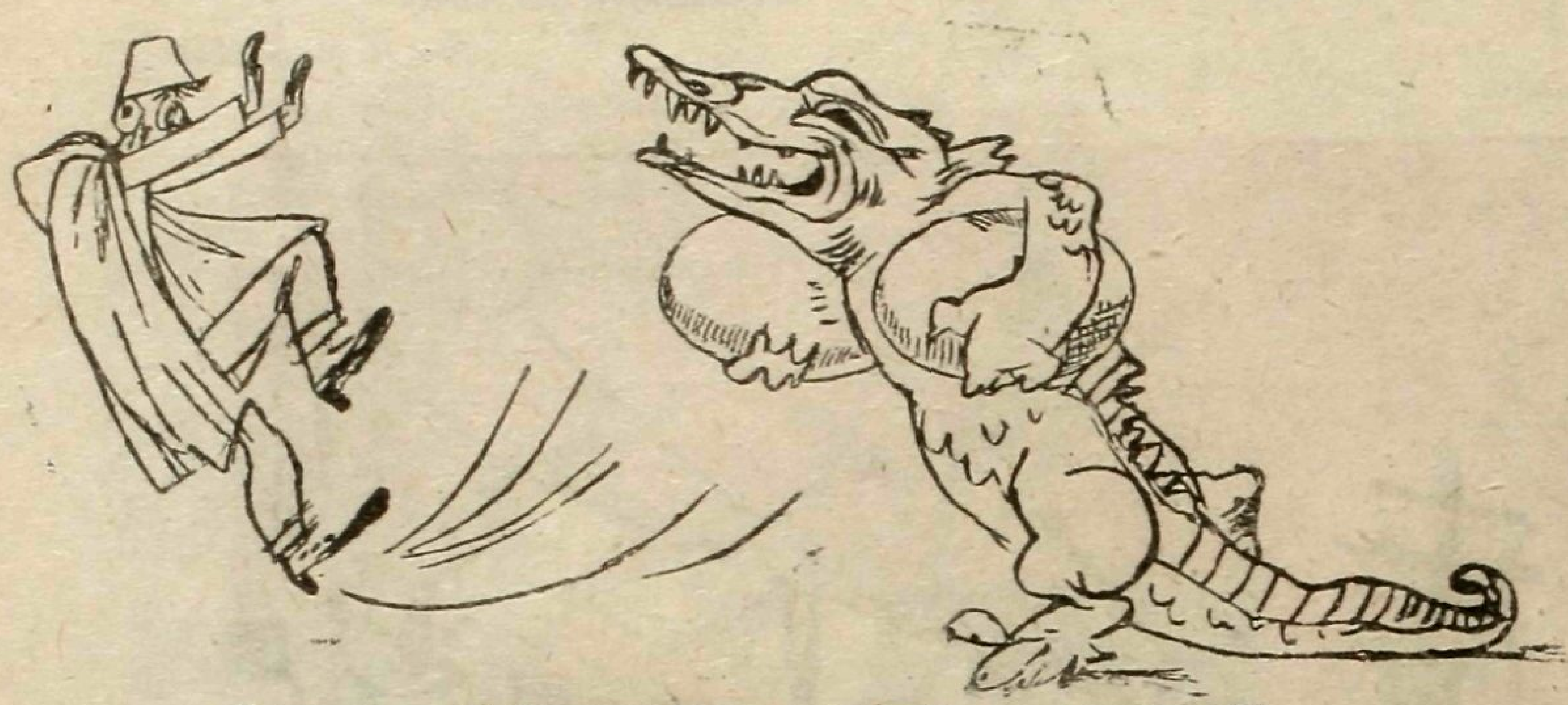
ДЕТСКИЙ ВОПРОС.

— Папуся, а что такое ЦТО?
— Подрастешь, дружок, будешь там служить, узнаешь...

ЕДИНИЦА.

Выставка куриных яиц

„Крокодил" на выставке. Рис. М. Ч.

Крокодил (обращается к завед. выставкой)
— А я вам свои принес...

В музее Моск. о-ва организуется первый конкурс куриных яиц.

Туда представлены будут яйца яйценосных пород кур, яйца общепользовательных и мясных кур, яйца мерисов (?!) и яйца беспородных русских кур.

Мытые яйца не допускаются.

„Рабочая Москва" № 167

Нижегородская наседка.

Рис. Б. Е.

„Крокодил" предлагает дать первую премию на выставке тов. Малышеву.

Вилами в бок.

НАЧАЛОСЬ МОЛЕБНОМ, А КОНЧИТСЯ...?

Корреспондент рязанской газеты «Рабочий Клич» пишет:

«Благослови господи».

17 августа в г. Спас-Клепиках открылась гостинница. На вывеске ее значится: «Продажа вина и пива». Содержатель гостинницы Угоркоммунотдел и К°.

Утром в день открытия торжественно была вывешана эта вывеска и отслужен молебен.

За чем,—серьезно,—встало дело?
Раз комотдел «пошел» пивком,
Коньяк «пойдет» из земотдела!,
И водкой кончит исполком.

И ЕЩЕ ГОРКОМХОЗ.

В Харькове, в одном из оживленнейших переулков близ Сумской, против б. дома казенных учреждений, красуется вывеска:

— **Гробы, памятники, кресты, гадан»** и т. п.

В окнах стоят ангелы, кресты, и пр. предметы похоронно-кладбищенского ритуала.

На вывеске кратко, но крупно прибавлено:

— **Харьковский горкомхоз.**

Коротко и ясно!

ИДЕЙНАЯ БОРЬБА.

Симбирский «Эконом. путь» вскользь сообщает:

«На сцену Владимирского сада, по приглашению зав. губполитпросветом, имеет намерение приехать из Самары целая цирковая труппа до 20 человек. Условия—50 проц. чистого сбора—в пользу губполитпросвета».

После оперы, значит, и драмы
Наступило плохое житье:
Слышен лозунг «эс-эрской» программы
— «В «борьбе» обретешь ты счастье
свое!»
Парад, алле!

АРТИСТИЧЕСКИЕ РЕБЯТА.

В начале августа московская «Рабочая Газета» писала:

«Франция коммунистов ЦК союза кожевников решила об'явить беспощадную борьбу с пьянством среди членов союза, в особенности среди ответственных работников»...

В конце августа «Наша Жизнь» в Острогожске тоже пишет и тоже про кожевников:

«Правление союза кожевников совместно с группой артистов устраивает интимный вечер-кабарэ... Продажа крепких напитков. Запись на столики.

А что т.т. кожевники на этом вечере занимались не только продажей крепких напитков,—это в Острогожске известно и малому ребенку».

— Вона они какие—острогожские кожевники!... Беспощадно борются с пьянством!

КОРОВЬЯ ЭЛЕКТРОФИКАЦИЯ ИЛИ ПОСРАМЛЕНИЕ ПРЕДСТ. УЧКОПРОФСОЖА.

Ив.-Вознесенский «Рабочий Край» передает любопытную бытовую картинку:

«У начальника ст. Кинешма имеются собственные три коровника, с электрическим освещением и сторожами. Ивановский учкопрофсож послал представителя для «урегулирования» дела, намереваясь коровники использовать для другой цели.

Вечером было созвано заседание: на повестку был поставлен вопрос о коровниках. Нач-к заявил, что коровам необходимо теплое сухое помещение, в котором они нуждаются в настоящее время. Представитель опешил. Завязался спор. Закипела перебранка, буря. Начальник с пеной у рта кричал о грабеже и насилии, требуя возмещения и справедливости. Представитель испугался, схватил шапку в охапку и был таков.

Коровы живут мирно по сие время. Похрустывают сено и поглядывают на элекричество».

Ты поди, моя коровушка, домой
Ты поди, моя недоенная.
Твоя комнатка натопленная
И телятушки накормленные.
Сам начальник самоварчик кипятит
Вон кондуктор с буттербродами летит
Вся прислуга в «ожидации»,
Стойло в электрофикации.

«НА ТЕБЕ, БОЖЕ, ЧТО НАМ НЕ ГОЖЕ».

Киевская газета «Красная армия» пишет:

«В бендерских казармах 134 полка дело с починкой обстоит очень плохо: придется в этом году «выбивать дробь зубами». Меры завхозом не принимаются, казармы сами не починяются, а шеф, Волынский губсовпроф, так «заботится»: прислал по дюжине блокнотов, на каждую роту.

Пусть полярный холод в роте,
Это просто наплевать,—
Можно в собственном блокноте
Жарко шефа обругать.

Рис. Черемных.

— Ходила я, батюшка, по всем комиссариатам, никакого толку не добилась...
— А ты, матушка, обратись в Крокодильят!..
(Охотный ряд, напротив Дома Союзов).
Подписка принимается там же.

Просвещенье рабочего.

Все без совести — зазренья
Нам твердят всегда одно:
— «Несомненно просвещенье
И театры и кино».
Сомневался!.. Колебался!
Вдруг не в то кино попал?
По афишам всем справлялся,
Что играют, — узнавал.
В цирках—«разная программа»:
Хлестко — рыжая стрельба
Дрянью времени с Адама,—
Бокс, французская борьба...
«Дом Союзов»... Светел, ярок,—
Просвещать его удел,
Но дает он нам в подарок:
«Вечер обнаженных тел».
Я туда, сюда — все та же
Расхалтурная краса...
В знаменитом «Эрмитаже»
Жарят прытко «Гоп-са-са!»
Здесь — бульварные картины,
Там — мотивы оперетт...
Танцы, шутки, рев звериный
Арлекинов и Пьеретт..
Всюду «Соньки», «Рокомболи»,
«Сила страсти», «Жизни власть»..
Ну чего еще вам боле?—
Просвещайтесь, братцы, всласть!
А в «Большом»... О! Там солидно:
Драма, опера, балет!..
Но туда нам, очевидно,
Не попасть: — билетов нет.
Разобрали, без сомненья,
Продавцы помимо насс...
Знать «большое просвещенье»,—
Это, братцы, не для нас!

Стеф. Б.

Министерские страхи.

Франц. министр нар. просв. циркуляром предписал не оказывать содействия эсперанто, т. к. последний является орудием большевистской пропаганды. (Из телеграммы).

Суета... Министр в волненьи:
—Кто пособник красных сил
В министерство просвещенья
Эсперанто притащил?
Вон его, как сор негодный!
Повестить директоров,
Что язык международный
К изученью не здоров...
Полетел приказ по школам..
Спит министр, победе рад...
Вдруг... Как молотом тяжелым
В кабинет к нему стучат.
Из-за туч луна катится...
Эсперанто перед ним
Краткой азбукой грозится
Подкопаться под «режим».
Ряд брошюрок держит в пачках,
Тьму листовок в кошельке
И твердит о грозных стачках
На всемирном языке.
И министр окно захлопнул,
Гостя красного узнав:
«Коминтерн ваш пусть бы лопнул!..»
Прошипел он, задрожав...
... Есть в Европе слух ужасный.
Говорят, что каждый день,
С той поры министр несчастный
Эсперанто видит тень

И. А.

Эй, нэпачи, спекулянты, рвачи,
Эй, ты, заросшая жиром орава,
Все по углам! Притаись и молчи!
Из „Крокодила“ нагрянет облава!

Ублаготворили!..

Архангельский Губсовнархоз при обменной операции на пушнину заготовил для посылки самоедам партию дамских „комбине", шляп, цилиндров и нательных крестиков.

(Из корреспонденции в „Петроградской Правде").

Рис. Черемных.

Им для тела, а мне для души!..

Редактор: Редакционная Коллегия.

Р. Ц. 1711. 7-я типография «МОСПЕЧАТЬ» (быв. Мамонтова).